С.-Петербургъ. — Еженедѣльно. **Цѣна:** въ СПб-гѣ **15** коп., въ провинціи **18** коп.

АНЧАРЪ

Журналъ политической и общественной сатиры

№ 1 **МАРТЪ** **1906**

. . . . . .
. . . . . .

Природа жаждущихъ степей
Его въ день гнѣва породила
И зелень мертвую вѣтвей;
И корни ядомъ напоила.

. . . . . .
. . . . . .

Но человѣка человѣкъ
Послалъ къ Анчару властнымъ взглядомъ:
И онъ послушно въ путь потекъ
И къ утру возвратился съ ядомъ.

(„Анчаръ", стих. Пушкина.)

Наше credo:

Рождается журналъ „Анчаръ",
Пропитанный сатиры ядомъ;
Несчастій, слезъ народныхъ даръ
Онъ смерть несетъ всѣмъ ретроградамъ.

Долина смерти, горя, слезъ
Его межъ нами породила
„Анчаръ" — герой народныхъ грезъ;
Онъ — врагъ оковъ, гроза и сила.

Онъ — грозный, вѣрный часовой
На стражѣ правъ, свободной жизни,
Онъ смѣло жертвуетъ собой
Для блага братьевъ и отчизны.

Редакція.

. . . . . .
. . . . . .

Принесъ онъ смертную смолу,
Да вѣтвь съ увядшими листами
И потъ по блѣдному челу
Струился хладными ручьями;

. . . . . .
. . . . . .

Анчаръ тѣмъ ядомъ напиталъ
Свои послушливыя стрѣлы,
И съ ними гибель разослалъ
Къ сосѣдямъ въ чуждые предѣлы.

(„Анчаръ", стих. Пушкина.)

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1906 ГОДЪ

на еженедѣльный литературно-художественный журналъ

ПОЛИТИЧЕСКОЙ и ОБЩЕСТВЕННОЙ САТИРЫ

„АНЧАРЪ"

Въ журналѣ „**Анчаръ**" принимаютъ участіе:

Въ литературномъ отдѣлѣ: Г. Б. Блаубергъ (Андрей Ростовцевъ), Браунингъ (псевдонимъ), Н. Н. Брешко-Брешковскій. И. М. Василевскій (Не-Буква), А. В. Голдобинъ, Ф. Т. Куликовъ, А. А. Левитманъ (Грунинъ), И. С. Рукавишниковъ, В. С. Тетерскій и мног. друг.

Въ художественномъ отдѣлѣ: А. Ф. Домонтовичъ, Е. Е, Надеждинъ, А. А Роговъ, Д. Г. Числіевъ и мног. друг.

Списокъ постоянныхъ сотрудниковъ журнала „**Анчаръ**" будетъ пополненъ въ слѣдующемъ нумерѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ:

	На 1 годъ:	На 6 мѣс.:	На 3 мѣс.:
Въ С.-Петербургѣ	4 руб.	2 руб. 25 коп	1 руб. 50 коп.
„ провинціи	5 „	2 „ 75 „	1 „ 75 „
Заграницу	8 „	4 „ 50 „	2 „ 50 „

Отдѣльные нумера „**Анчара**" въ Петербургѣ—15 к.; въ провинціи—18 к.

Пересылка за счетъ конторы журнала.

Объявленія—по 50 к. за строку петита.

Редакція и контора журнала „**Анчаръ**":—Б. Подъяческая, д. 4., кв. 13.

Редакція принимаетъ по дѣламъ журнала исключительно по понедѣльникамъ и пятницамъ отъ 4—6 часовъ веч.

Контора открыта ежедневно отъ 10 час. утра до 12 час. дня.

ПРОБНЫЙ НУМЕРЪ ЖУРНАЛА ВЫСЫЛАЕТСЯ ЗА **ДВѢ** СЕМИКОПѢЕЧНЫЯ МАРКИ.

Гг. подписчики; какъ городскіе, такъ и иногородніе, а также наши представители и коммиссіонеры, въ случаѣ пріостановленія или прекращенія, по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ, изданія „**Анчара**", будутъ неотложно, въ полномъ размѣрѣ заказа, удовлетворены новымъ журналомъ, однороднаго съ „**Анчаромъ**" направпенія, на условіяхъ журнала „**Анчаръ**".

Петербургскимъ газетнымъ артелямъ нумера „Анчара" и журналовъ, которые замѣнятъ „Анчаръ", въ случаѣ пріостановленія или пракращенія этого изданія, отпускаются на слѣдующихъ условіяхъ;

При розничной цѣнѣ въ Петербургѣ:	**Артелямъ отпускается:**
15 коп.	**10** коп.

Оптовымъ покупателямъ въ провинціи, т. е. агентамъ редакціи и коммиссіонерамъ, нумера журнала отпускаются по цѣнамъ петербургскихъ газетныхъ артелей, на слѣдующихъ условіяхъ:

а) Редакція за свой счетъ пакуетъ и доставляетъ на вокзалъ или почту весь заказъ.

б) За перевозку груза по желѣзной дорогѣ или пересылку его по почтѣ, оптовый провинціальный покупатель уплачиваетъ впередъ или на мѣстѣ назначенія груза (наложенный платежъ).

в) Оптовый провинціальный покупатель уплачиваетъ впередъ деньги за 1/3 стоимости груза изъ разсчета по 10 коп. за экземпляръ. На остальную сумму (2/3) заказа можетъ быть сдѣланъ наложенный платежъ.

г) За конфискацію груза въ пути слѣдованія или по прибытіи его въ городъ назначенія—редакція не несетъ никакой матеріальной отвѣтственности.

Газетнымъ артелямъ и другимъ оптовымъ покупателямъ этотъ нумеръ журнала въ день выхода его въ свѣтъ будетъ выдаваться въ Типографіи Х. И. Бреденфельдъ и К°, Забалканскій просп. 22.

Въ послѣдующіе дни журналъ будетъ продаваться въ складѣ при редакціи: СПБ. Бол. Подъяческая ул., д. 4, кв. 13.

Издатель: Л. М. Зузеровичъ-Клебанскій.

Отвѣтственный редакторъ: Д. Г. Числіевъ.

№. I

АНЧАРЪ.

1906.

До выпуска № 1 „Анчара“ редакція объявила конкурсъ на лучшія литературныя и художественныя произведенія.

Литераторы, сатирики, юмористы, и художники любезно откликнулись на нашъ призывъ. Конкурсное жюри, во главѣ съ Н. Н. Брешко-Брешковскимъ, присудило преміи:

За литературное произведеніе — В. С. Тетерскому (передовая — „Анчаръ“).

За художественное произведеніе — Д. Г. Числіеву (заглавный рисунокъ).

Кромѣ того конкурснымъ жюри одобрены нѣсколько литературныхъ и художественныхъ произведеній, представленныхъ въ редакцію, какъ на конкурсъ, такъ и внѣ конкурса, которыя и будутъ помѣщены въ ближайшихъ нумерахъ „Анчара“.

Редакція считаетъ своимъ долгомъ выразить благодарность всѣмъ лицамъ, любезно принявшимъ участіе въ жюри и конкурсѣ.

Редакція журнала „Анчаръ“.

Анчаръ.

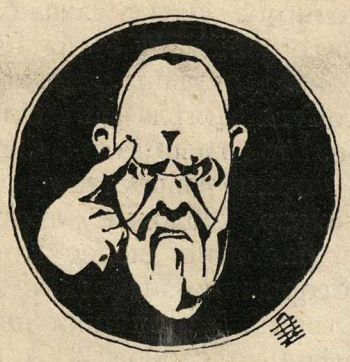
„Даже тлетворный ядъ, данный во-время, въ извѣстной дозѣ, служитъ цѣлебнымъ средствомъ.“

Намъ снился странный, чудесный сонъ. Мы видѣли небо, голубое небо, подернутое тонкими, едва замѣтными облачками. На берегу красавицы — рѣки, на дальнемъ сѣверѣ, стоялъ могучій и густой лѣсъ... Много деревьевъ было въ этомъ дремучемъ лѣсу... Здѣсь были и столѣтніе гигантскіе дубы, гордо и покровительственно взиравшіе на весь міръ, были и трескучія березы, легкомысленно и беззаботно качающія своими густыми верхушками; виднѣлись мрачныя сосны и ели; угрюмо стояли зловѣщія осины, деревья съ Іудинымъ прошлымъ, и много другихъ лѣсныхъ породъ промелькнуло передъ нашими глазами. Всѣ они имѣли могучій и величественный видъ, всѣ они были красивы и ярки по своимъ краскамъ, но всѣ они были бездушны въ своей кичливой, холодной красотѣ, всѣхъ ихъ окутывала мертвая лѣсная глушь, заграждавшая отъ нихъ солнце... Да они и не стремились къ нему! слишкомъ много вѣковъ простояли они такъ, вдали отъ солнечнаго свѣта, слишкомъ ужъ они свыклись съ окружающимъ ихъ мракомъ... Рядомъ съ ними мы увидѣли молодыя деревца... полныя жизни, энергіи, полныя свѣтлыхъ надеждъ... Они не жались къ старымъ деревьямъ, не хранили того леденящаго молчанія, какое царило среди ихъ отцовъ: они капризно тянулись впередъ, за лѣсную чащу... ближе къ солнечному свѣту, завидуя тѣмъ, кто стоялъ на опушкѣ. И было чему позавидовать! Облитая ослѣпительнымъ солнечнымъ свѣтомъ опушка имѣла фантастическій видъ... Молодыя вѣтви трепетали отъ избытка тепла и свѣта, корни разростались, могуче расширая землю, молодые листочки играли лучами и радостно шелестѣли. Хоръ птичекъ восторженно щебеталъ въ освѣщенныхъ вѣтвяхъ... съ опушки неслась дивная, святая пѣснь о свободѣ... А сосны хмури-

Дурново и Стаховичъ.

лись... дубы сердито помахивали могучей листвою, стараясь заглушить хоръ крылатыхъ пѣвцовъ, но все было напрасно. Громко и торжественно неслась дивная пѣснь, звуки ея проникали въ лѣсную глушь... Молодыя деревца встрепенулись... Ревниво слѣдили за ними старыя деревья, съ ужасомъ взирая на опушку, а дивная пѣснь разлилась уже по всему лѣсу: молодой лѣсъ пѣлъ священный гимнъ свободѣ! Мы старались узнать, откуда льются эти чарующіе звуки... Мы взглянули на опушку и... замерли... Точно облитое золотомъ, въ роскошномъ зеленомъ нарядѣ, у самаго края опушки, стояло странное, неизвѣстное намъ, дерево, полное мощи и таинственной прелести... Оно какъ бы горѣло и не сгорало. Отъ его молодыхъ вѣтвей шли новые и новые побѣги.... Точно могущественный волшебникъ стояло это чудное дерево подъ лучами солнца, испуская чарующій свѣтъ и сверкая, какъ искра, на опушкѣ лѣса. А солнце ласково и любовно пригрѣвало его лучами... Къ нему тянуло всѣхъ, неотразимо влекло... Что-то чистое, хорошее чувствовалось въ его могучей и дивной красотѣ... что-то отрадное сулили его молодые побѣги... И къ нему стремились!... Пѣвчія птицы покрыли всѣ его вѣтви, оглашая воздухъ звуками священнаго гимна... Къ нему тянулись сосѣднія молодыя деревья, безсознательно простирая впередъ свои юныя вѣтви... Къ нему взывалъ весь молодой лѣсъ, заботливо укрытый отцами отъ солнца... Таинственное дерево посылало свои чудодѣйственныя искры... Искры неслись по всѣмъ направленіямъ... гасли.., и снова загорались... Лѣсъ перерождался... Искры летѣли по всему лѣсу, пропитанныя чудотворнымъ ядомъ, ядомъ... свободы. Гордо подымались поникшія головы молодыхъ сосенъ и березъ, властно выпрямлялись молодые дубы и даже старый лѣсъ дрогнулъ... Что-то похожее на сознаніе промелькнуло въ его чащѣ, но только промелькнуло... и погасло! „Анчаръ идетъ, анчаръ!“.., въ страхѣ шепчутъ старые пожелтѣвшіе дубы и березы, растерянно озираясь по сторонамъ и прикрывая листвой своихъ дѣтей въ надеждѣ защитить ихъ отъ древа яда... Но чудодѣйственный ядъ уже сковалъ вѣтви ихъ дѣтокъ и тщетно взываютъ къ нимъ отцы: молодые дубы съ презрѣніемъ и злобой отстраняются отъ ихъ объятій и тянутся къ свѣту.., гдѣ занимается заря освобожденія, заря долго жданной свободы!... Ядъ разливается по жилкамъ и корнямъ, переходитъ отъ одного дерева къ другому, а Анчаръ неуклонно продолжаетъ свой смѣлый, честный путь, и ничто въ мірѣ не побѣдитъ его чудодѣйственной силы, его дивнаго яда... свободы. Счастливаго же пути, Анчаръ!

Премировано. *Тетеревъ.*



Графъ Витте, Гапонъ, Матюшенскій.

* * *

Березы чуткія
Во мглѣ синѣющей,
Бѣлы, бѣлы.
Вотъ волны жуткія
Мнѣ душу грѣющей
Вечерней мглы.
Вотъ день кончается,
Одинъ до вѣчности
Доплывшій день.
Вверху качается
Тѣнь безконечности,
Ночная тѣнь
Вотъ холодъ носится
Волной звенящею,
А мнѣ тепло.
Вотъ тьмой мертвящею
Ночь въ душу просится,
А мнѣ свѣтло.
Ночь позабавится
Надъ жизнью слабою
Мильономъ глазъ.
День съ ночью справится,
Съ ея отравою,
Въ который разъ!
Съ мечтой угрюмою
Иду я, думаю:
Зачѣмъ я здѣсь?
И слышу пѣніе,
Небесъ велѣніе:
— Вотъ міръ. Онъ весь.—
А я — великое,
Я — полудикое
Иду — молчу.
Вотъ вѣтеръ носится,
Богъ въ душу просится
— Его хочу.

И. Рукавишниковъ.

Тяжелыя думы.

Какъ тяжко жить, когда свободной
Намъ жизни скоро не видать,
Когда вполнѣ всѣхъ правъ народныхъ
Намъ врядъ при жизни отстоять?
Жить въ вѣчномъ мракѣ... подневольно
Терзаться, мучиться страдать . . .
Нѣтъ больше силъ . . . ужъ слишкомъ больно . . .
Людскія слёзы наблюдать . . .
Вотъ гдѣ— единственное право,
Какое намъ сохранено:
Служитъ мишенью для забавы —
Намъ въ этой жизни суждено . . .
Но, можетъ быть, наступитъ время,
Къ которому стремились мы:
Взойдетъ посѣянное сѣмя —
И люди вырвутся изъ тьмы.
Исчезнетъ рабство, и свободы
Въ удѣлъ достанутся людямъ;
Пройдутъ житейскія невзгоды,
Столь ненавистныя всѣмъ намъ.
Погибнетъ царство злого мрака,
Взойдетъ заря пяти свободъ,
И смѣлый гимнъ надъ нашимъ прахомъ
Свободѣ будетъ пѣть народъ.

Демонъ.

Мирные обыватели.

Это: подвижныя мишени для производства опытовъ съ орудіями, удовлетворяющія требованіямъ новѣйшей техники пристрѣлки орудій, ружей, пулеметовъ и револьверовъ.

Въ альбомъ П. Н. Дурново.

Украшаютъ тебя „добродѣтели“,
До которыхъ другимъ далеко,
И беру небеса во свидѣтели,
„Уважаю“ тебя глубоко.

Некрасовъ.

* * *

Не тѣснишь ты почтовыхъ чиновниковъ,
Не воруешь казенный овесъ;
Ты—феноменъ среди всѣхъ сановниковъ,
Ты—„герой“ нашихъ дней, нашихъ грёзъ.

* * *

Тебѣ „близки“ народа стремленія,
Ты—„сторонникъ “всѣхъ правъ и свобод,
Ты, мой „другъ“, по своимъ убѣжденіямъ,
Самый пылкій средь насъ „патріотъ“.

* * *

Ты не травишь народа казаками,
Не сажаешь и въ тюрьмы людей;
Не стращаешь арестомъ и плахами,
Не преслѣдуешь свѣтлыхъ идей.

* * *

Полицейскихъ чиновъ избѣгаешь ты,
Жандармерію гонишь ты прочь;
Министерство свое проклинаешь ты
И „работаешь“ дни, даже ночь.

* * *

Не спрошу я, откуда явилися
Лужи крови и слезы людей.
Знаю: съ неба онѣ къ намъ свалилися,
Ты же самъ и ягненка смирнѣй.

Сатирикъ.

Совѣтъ нечестивыхъ.

Гнѣвъ Божій.

Терпѣлъ, терпѣлъ бѣднякъ-мірянинъ
Безправья тяжкій произволъ
Поролъ и земскій, дралъ и баринъ
Мужикъ съ ума чуть не сошелъ.
И вдругъ свободъ четыре дали!
Ужъ не подвохъ ли? Какъ понять?
Но тутъ же ихъ отъ насъ отняли
И снова стали притѣснять.
Пошли допросы, порки, пытки;
Забрали хлѣбъ, уводятъ скотъ
Мірянъ ограбили до нитки
И взвылъ крестьянинъ отъ невзгодъ:
„О Богъ Всесильный, Свѣточъ Славы
Отъ злого рока насъ спаси! . . .
Пронесъ Ты крѣпостное право
Такъ и „слободы“ пронеси!

Голубой.

* * *

Въ рѣчи, обращенной къ солдатамъ, начальникъ одной войсковой части, между прочимъ, сказалъ: — „Слово „соціалъ-демократъ“ — нѣмецкое, по русски оно значитъ: бунтовщикъ, разбойникъ, а по китайски: — хунхузъ.»

Интересно было бы знать, какъ будетъ въ переводѣ этого военачальника на русскій языкъ слово „провокаторъ“, — вѣроятно, ангелъ, герой или что-нибудь подобное . . .

Голдобинъ.

Смѣта
НА БОЛЬШУЮ КОМИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ
„Гурьевская каша“,
издаваемую при русскомъ государствѣ.

I. РАСХОДЪ.

Жалованье старшему дворнику, надзирающему за уборкой всѣхъ отдѣловъ газеты	24.000 р.
Жалованье 20 младшимъ дворникамъ, наскребывающимъ статьи для отдѣловъ газеты	240.000 „
Жалованье лакею, пишущему политическія передовицы	18.000 „
Жалованье капельдинеру, пишущему рецензіи	12.000 „
Жалованье сыщикамъ и городовымъ, доставляющимъ свѣдѣнія . . .	100.000 „
Стулья.	6.000 „
Лѣченіе геморроя	49.999 „
Чай	25.000 „
Сахаръ.	50.000 „
Бутерброды	75.000 „
Здравый смыслъ	1 „
Всего . .	600.000 р.

II. ПРИХОДЪ.

Отъ подписки	8 р. 50 к
Отъ налоговъ, податей, сооровъ и т. п.	591.000 „ 50 „
Всего.	600.000 р. — к.

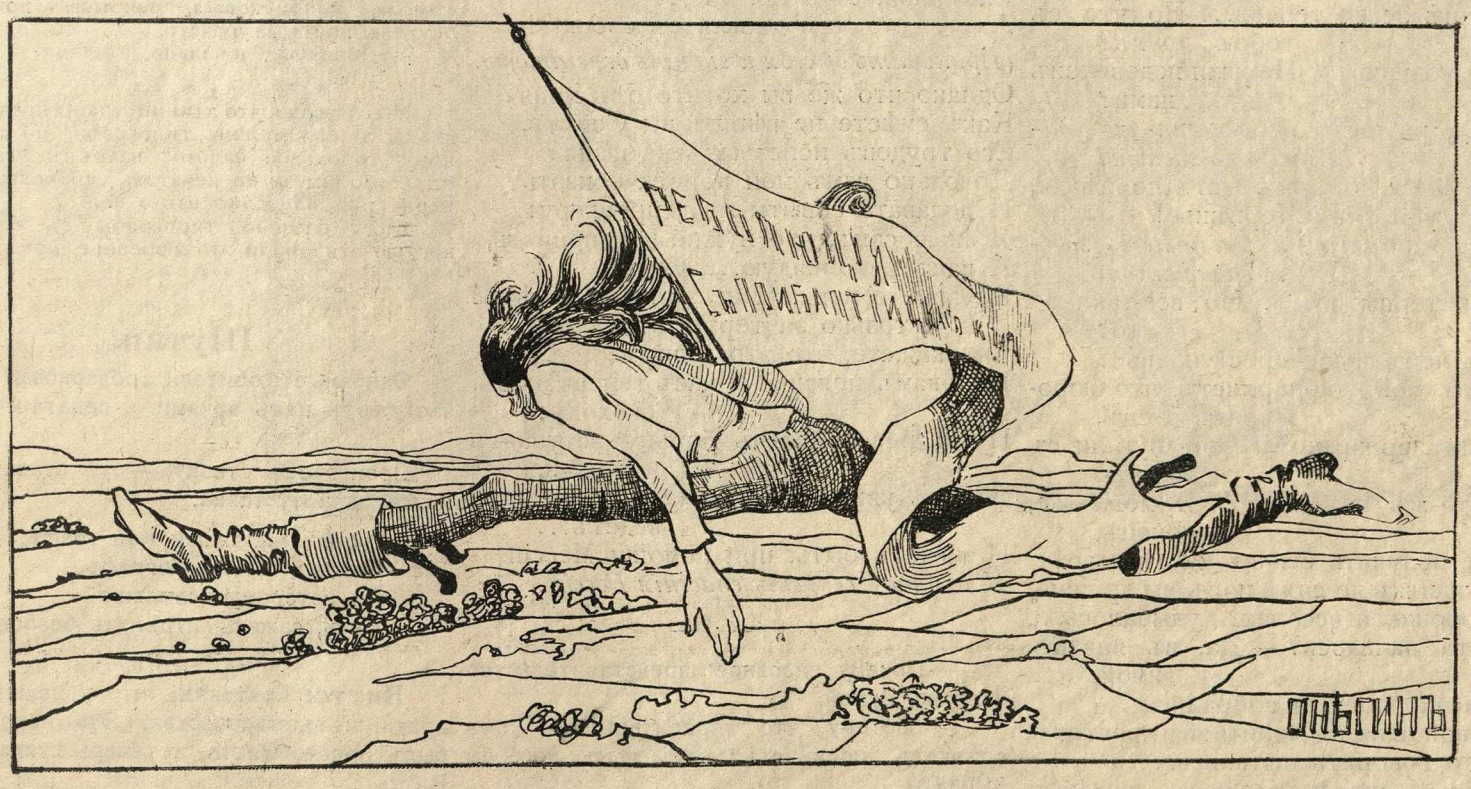
„Утверждаю“.
За премьеръ — министра.
Лерніеръ — министръ.

— А, повидимому, наши министерства не въ ладу живутъ одно съ другимъ.

— А что?

— Да какъ же, надняхъ юстиція розыскиваетъ посредствомъ газетъ Павлоакія Крушевана, а кажись чего бы проще справиться въ мин. внутр. дѣлъ.

Куликъ.



(Къ рис. „Сказочка“.)

Какъ на островѣ Буянѣ,
Гдѣ о доблестномъ Салтанѣ
Не слыхать уже давно,
(Впрочемъ это все равно)
Развеселый графъ сидитъ,
„Братцамъ“ сказки говоритъ;
Сладко, складно и красиво,
Остроумно и игриво,
Прямо сущая потѣха!...
Даже куры мрутъ со смѣха...
Что твоя Шахеразада?
Лучшихъ сказокъ и не надо.
Удалося какъ-то мнѣ
Сказки всѣ подслушать тѣ.
Только стану вспоминать,
Начинаю хохотать.
Въ нихъ сплелася ложь красиво
Съ небылицей, какъ на диво, —
Только правды въ нихъ, бѣда,
Не найти вамъ никогда.

Папинъ Пензякъ.

Крестьяне-делегаты у С. Ю. Витте.

(Пародія на стих. Апухтина: „Сумасшедшій“).

„Садитесь, — я вамъ радъ.
„Откиньте всякій страхъ и вѣрьте мнѣ свободно...
„Я этого хочу. Вы знаете, на-днях
„Мы „обѣщали“ снова всенародно?
„Но знаете-ли что? смущаютъ мысль мою
„Всѣ эти митинги, собранія, свободы...
„Я день и ночь ищу исхода
„И до сихъ поръ его не нахожу!
„Какъ вамъ *теперь* понравилась столица?
„Вы изъ далекихъ мѣстъ? А впрочемъ, ваши лица
„Напоминаютъ мнѣ знакомыя черты...
„Какъ будто я видалъ, именъ еще не зная,
„Васъ гдѣ-то: въ крѣпости, а можетъ и... въ части...
„Ахъ, „братецъ“ Глѣбко, — это ты! О какъ я радъ!
„И Климовъ! здравствуй, милый „братъ“!
„Вы не повѣрите, какъ хорошо мнѣ съ вами,
„Какъ мнѣ легко теперь... Но что съ тобою, другъ?
„Ты все молчишь... Неужли недоволенъ нами?
„Брось, „братецъ“, перестань: *все сдылаемъ съ годами!*
„*Я васъ спасу,* въ томъ нѣтъ сомнѣнья,
„Но подожди, имѣй терпѣнье!
„Я тоже терпѣливъ... *(начинаетъ заговариваться)*
Я очень терпѣливъ... Но все-таки за что?
Въ чемъ наше преступленье?
Что дѣдъ мой — монархистъ, что бюрократъ отецъ,
Что этимъ призракомъ меня пугали съ дѣтства,
Такъ что-жъ изъ этого? Я могъ же, наконецъ,
Не получить его въ наслѣдство!
Вѣдь жили-жъ до сихъ поръ мы дружно,
Хорошо, и все намъ улыбалось...
Какъ это началось? — Да, въ январѣ, зимой,
Рабочіе на площади собрались...
Съ иконой шли, съ молитвой и крестомъ,
И что-то говорить пытались...
И вдругъ... мнѣ показались... казаки...
Много мелькало ихъ тутъ...
Помню, до самой рѣки
Пули свершали маршрутъ!
Онъ лишь подниметъ ружье,
Къ ложу головку приклонитъ,
И уже пуля таё...
Пару рабочихъ уронитъ...
Я изъ окна наблюдалъ,
Видѣлъ тѣ лица простыя,
Въ ужасѣ весь трепеталъ,
Слышалъ и стоны глухіе...
Видѣлъ несчастныхъ дѣтей,
Какъ казаки ихъ „снимали“,
Слышалъ и плачъ матерей,
Что надъ дѣтьми тамъ рыдали...
Какъ эти дни тяжелы!
Долго ль я мучиться буду?
Кровь все въ глазахъ, все январьскіе дни...
Красные, грозные всюду...
Видишь: вотъ кровь на стѣнѣ...
Слышишь? течетъ по панели...
Вотъ, подползаетъ ко мнѣ...
Руки мои охладѣли!..
Видишь рабочихъ въ крови?
Вонъ, тотъ грозитъ мнѣ рукою!..
Слышишь: смѣются они...
Ахъ... что мнѣ дѣлать съ собою?!.
(Приходитъ въ себя и видитъ делегатовъ).
Однако что же вы хотите отъ меня?
Какъ смѣете не вѣрить вы Совѣту,
Его трудовъ полезныхъ не цѣня?
Довольно вамъ мои пороги обивать
И подавать совѣты мнѣ, премьеру:
Я знаю самъ, что нужно предпринять,
А вамъ рекомендую... *вѣру!*
Вы знаете меня. Я не за казни, — нѣтъ!
Я только за терроръ!
Вы скажете, что это вздоръ.
Но я вамъ поясню: у насъ теперь одинъ исходъ:
Пусть революція въ борьбу вступаетъ съ нами,
А тамъ увидите, къ чему все это приведетъ!..
И можетъ быть, при помощи Мессіи
Я и *найду секретъ спасенія Россіи!*

Т—ій.

— Почему народное представительство названо Думой.

— Потому что правительство какъ слѣдуетъ „подумаетъ“ надъ тѣмъ, кого бы выбрать.

Между выборщиками.

— Пожалуйста, м. г. не выбирайте меня въ выборщики.

— Да вѣдь мы на васъ надѣемся! Почему же?

— Я не хочу, чтобы завтра меня арестовали.

Старыя пословицы Даля.

(перепечатано изъ „Пословицъ русскаго народа“, т. I, изд. Вольфа, 1905 г.).

— Попъ съ кадиломъ, а чертъ съ рогатиной.
— Лоскутъ на воротъ, а кнутъ на спину.
— Спереди — блаженъ мужъ, а сзади — вскую шаташася!
— Рабочій конь на соломѣ, а пустоплясъ на овсѣ.
— Чудилось, что праздникъ — анъ это попъ дразнитъ.
— Сильны временщики, да не долговѣчны.
— Мѣди рубль — да бумажекъ съ пудъ.
— Была правда у Петра и Павла (въ застѣнкѣ).

(Продолженіе слѣдуетъ).

* * *

— Найдите мнѣ пять словъ, оканчивающихся на „ли“, которыя могли бы иллюстрировать наши свободы.

— Извольте. — Задержали, обыскали, арестовали, конфисковали, закрыли, привлекли, осудили, посадили, разстр...

— Довольно, довольно!

* * *

Мы слышали, что администрація предложила всѣмъ содержателямъ типографій по роскошному „гороховое пальто“ взамѣнъ услуги съ ихъ стороны, — не печатать „крамольную литературу“, или доносить о ней.

Какъ слышно, типографы съ благодарностью отклонили это любезное предложеніе.

* * *

Шутки.

Сановные любители „подарковъ“ иногда засѣдаютъ надъ арками... сената и синода.

Проиграешь ставку, — отъ ставки останется одна отставка.

Ну ка, миленькій мой графъ,
Покажи мнѣ *парa*графъ,
По которому возможно
Бить, сажать, стрѣлять безбожно!

* * *

Витте: Говорятъ, что у нашей бюрократіи нѣтъ творчества, Это неправда. Я былъ просто Витте, а теперь сталъ графъ Витте.

Въ раздумьи.

Сяду я за столъ,
Померекаю,
Какъ зачахъ, ушелъ
Въ бездну нѣкую
Приказной режимъ
Бюрократіи,
Сыскъ и иже съ нимъ,
Всяка братія . . .
Какъ изжитый строй
Въ ломъ назначили,
Да народъ честной
Околпачили . . .
Какъ гражданскихъ правъ
Медомъ мазали,
Отъ трудовъ уставъ
Въ души лазили . . .
Какъ цензурный гнетъ
Уничтожили,
И казны доходъ
Пріумножили . . .
Какъ свободъ nouveaux
Дали дюжину,
И потомъ того . . .
Поутюжили . . .
Сяду я за столъ,
Померекаю,
Какъ „прижимъ“ ушелъ
Въ бездну нѣкую . . .

Ф. К.

Сказка про бѣлаго бычка.

„Вотъ задача. —
Разрѣшите!
Чуть не плача
Шепчетъ Витте:
Чтобъ разлады
Успокоить —
Тюрьмы надо,
Понастроить . . .
Но для тюремъ
Нѣтъ ни цента.
На смѣхъ курамъ
Грошъ — за ренту . . .
И кредита
Ни сантима:
Нѣмцы, бритты
Шепчутъ: „Мимо“!
А французы
(Въ ротъ имъ каши)
„Узы, узы“ . . .
Сами — взашей . . .
Я имъ слово:
— Удостойте!
Тоже снова:
„Успокойте“!
Вотъ такъ штука,
Шепчетъ Витте,
Братцы ну-ка
Разрѣшите!

Ф. Т. К.

Дума.

(Басня).

Надѣлавъ очень много шуму,
И звѣри порѣшили думу
Собрать; —
Пошли повсюду кривотолки
И перегрызлись всѣ, какъ волки,
И не могли никакъ понять:
Кого имъ въ думу избирать?
Я вамъ описывать не стану
Звѣриный митингъ и поляну,
Гдѣ, прежній позабывши страхъ,
Всѣ толковали о дѣлахъ.
Орали громче всѣхъ безъ мѣры
Друзья, эсъ—дэки и эсъ—эры, —
Ка—деты много говорили,
Пустивъ въ глаза изрядно пыли;
И выдѣлялися въ толпѣ
Свирѣпымъ видомъ П. П. П.
И стало ясно, что теперь
Примкнулъ къ партійной жизни звѣрь.
И такъ здѣсь долго толковали,
Свободно разныхъ львовъ ругали,
Мечтали тигровъ всѣхъ унять
И не давать имъ управлять.
Дошли едва-ли не до драки, —
Вдругъ показалися казаки...
Сверхъ ожиданья,
Увидѣвъ бурное собранье,
Они здѣсь показали прыть,
Успѣвъ звѣрей всѣхъ перебить.
И такъ средь грохота и шума
Звѣриная погибла дума.

Мораль сей басни такова:
Свободы всѣ — одни слова, —
Ты ими, другъ, не увлекайся,
Молчи «втроемъ не собирайся»... *Эзопъ.*

„Грѣшники“.

Заплутались люди грѣшные,
А дороги не показывай,
Закричатъ: — давай намъ здѣшнее,
О небесномъ не разсказывай“...
Блудъ да рѣчи богомерзскія,
А „посты“ не почитаются:
Ужъ чего... отъ министерскаго
Всѣ бѣгутъ и отрекаются!

К—къ

Кто они?

Ихъ только два,
Ихъ всякій знаетъ,
О нихъ молва
Не умолкаетъ.
Одинъ встрѣчая
Васъ очаруетъ,
Наобѣщаетъ
И поцѣлуетъ.
Другой же, въ „стилѣ“
Совсѣмъ отличномъ,
Не любитъ пыли
Пускать публично.
Глазкомъ замѣтитъ,
Гонца спровадитъ,
Безъ шуму встрѣтитъ,
Да и *посадитъ*.

—лике

Бюрократы навязали.

Сила черной литературы.

Часъ таинственный полночи,
Сладкій часъ покоя, сна . . .
Вдругъ ... стучатъ въ дверь что есть мочи...
Кто тамъ: воръ иль сатана?:
Шайка грозная ввалилась
„Русскихъ (истинно) людей“,
На иконы помолились
„Патріоты“ нашихъ дней.
„Генералъ“, Кузьма Чубарый,
Тутъ револьверъ мнѣ въ високъ,
Эсаулъ Юнецъ—Поджарый
Закричалъ, камъ только могъ:
— „Ты подкапывалъ основы,
„Уронить весь строй хотѣлъ?!“
— Я не могъ сказать ни слова
И отъ ужаса нѣмѣлъ.
— „Ты людей окрайныхъ націй“
Ввелъ въ преступный заговоръ?!...
Тутъ я кипу прокломацій
Черносотенныхъ простеръ.
„Генералъ“ прочелъ нескладно:
„Святъ старинный русскій строй...
„Жги и бей жидовъ нещадно...
„Шли казаковъ на постой...“
— „Ты ходилъ подъ краснымъ флагомъ;
„Ты просилъ наукъ, свободъ?!“
Я — другой листъ: „Высшимъ благомъ
„Православный мы народъ
„Ждемъ пріять вѣнецъ мученій
„Мы за родину свою,
„За святыхъ отцовъ ученье,
„И за миръ въ родномъ краю“.
„Самой скромной я натуры:
„Причащался Божьихъ тайнъ,
„Врагъ наукъ, свободъ, культуры,
„Автономіи окрайнъ.“
Успокоился Чубарый,
И Кузьму онъ отпустилъ,
Но съ Кузьмы пиджакъ снялъ старый
И съ собою прихватилъ.

Голубой.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Письма хунхуза.

(Перехвачены во время почтово-телеграфной забастовки и доставлены въ редакцію „Анчара“ почтальономъ т. сов. М. Артенсомъ).

I.

Повелитель моего тѣла, другъ и братъ, славный Салъ-О-Сгубъ-Дуй!

Простишь-ли мое дерзновенное поползновеніе утруждать тебя моими письмами? Я, червь изъ червей, рабъ и грязное животное осмѣливаюсь писать къ тебѣ, пресвѣтлѣйшему хунхузу, источнику справедливости и милосердія! Столь вопіющее мое преступленіе заслуживаетъ, чтобъ ты немедленно разстрѣлялъ меня. Но ты, великодушный другъ, простишь меня и ограничишься лишь тѣмъ, что, прочитавъ мои жалкія и позлыя каракули, повѣсишь мое тѣло на два часа передъ окнами своей фанзы...

Воздавъ должное китайскимъ церемоніямъ перехожу къ описанію моего отъѣзда изъ благословенной Хунхузіи въ варварскую Московію.

Послѣ того, какъ гиринскій дзянь-дзюнь далъ мнѣ пятьсотъ ударовъ бамбуковыми палками въ вознагражденіе за зарѣзаннаго мирнаго китайца, я понялъ, что рѣзать безнаказанно нельзя, а такъ какъ склонность ко всякаго рода кантрами меня не покидала, то я рѣшилъ переселиться въ Россію. Ты, о сынъ неба, поймешь мои чувства! Моей хунхузской душѣ стало тѣсно на берегахъ Сунгари. Интендантскіе чиновники, русскіе мандарины, купезы и харбинскія мадамы разсказывали мнѣ, что на берегахъ Невы хунхузы не преслѣдуются. Свобода меня манила! Нѣмецкій генералъ Ренненкампфъ, однажды, сказалъ мнѣ, что русскіе пріймутъ въ объятія всякаго хунхуза, потому что петербургскіе и прочихъ большихъ городовъ мандарины намѣрены учредить войско хунхузовъ, предназначаемое для расширенія и поддержанія въ странѣ свободы на самыхъ что ни есть зыблемыхъ началахъ. Я еще незналъ, какія-это „зыблемыя начала“ и полагалъ, что русское слово „зыблемость“ происходитъ отъ глагола „арестовать“. . .

Большой капитанъ земли русской, сіятельный О-Витъ-Е-Враль вернулся въ то время изъ Америки, гдѣ онъ заключилъ блестящій миръ съ японцами. Секретарь мукденскаго тифангуана разсказывалъ мнѣ, что маркизъ Комура согласился принять Сахалинъ при условіи, что русскіе мандарины займутся насажденіемъ свободы. Ученый хунхузъ. Ме-Щер-Скій, издававшій въ Цицикарѣ газету „Обыватель“, увѣрялъ, что отъ насажденія свободы выростутъ розги. Я, однако, не испугался и, ограбивъ транспортнаго начальника, впавшаго въ безпамятство отъ выпитаго ведра шампанскаго, попрощался съ пріятелями русскими капитанами Мейендорфомъ, Бильдерлингомъ и Штакельбергомъ и сѣлъ въ поѣздъ. Генералъ Куропаткинъ, узнавъ о моемъ отъѣздѣ, послалъ со мной еще одну, кажется послѣдюю, телеграмму съ донесеніемъ, что въ Маньчжуріи наступила осень. А дѣдушка капитанъ Линевичъ просилъ передать о желаніи его продолжать войну съ японцами, чтобъ отдать имъ Харбинъ и Владивостокъ.

Хотя въ наслѣдство отъ транспортнаго чиновника мнѣ досталось нѣсколько фунтовъ золота, но я предпочелъ ѣхать безплатно. Начальники поѣздовъ, называемые по русски ревизорами, контролерами и кондукторами, приняли отъ меня подарокъ, который называется „халтурой“ и назвали меня „зайцемъ“. Признаюсь-мнѣ, благородному хунхузу, было неловко именоваться зайцемъ, но когда я увидѣлъ массу другихъ зайцевъ и понялъ, что заячьи наклонности присущи русскимъ человѣкамъ, то успокоился и преблагополучно проѣхалъ по великому сибирскому пути.

Попути я останавливался въ нѣкоторыхъ сибирскихъ городахъ. Здѣсь я встрѣчалъ многихъ мужчинъ, женщинъ, дѣвушехъ, и дѣтей, высланныхъ изъ Россіи за принадлежность къ преступнымъ политическимъ партіямъ. Насажденіе свободъ, сказали мнѣ, уже началось и первой выросла свобода свободнаго передвиженія изъ мѣстожительства въ мѣста отдаленныя, причемъ передвигаются совершенно свободно, т. е. на собственныхъ ногахъ. Я запомнилъ наименованія нѣсколькихъ партій. Вотъ онѣ: „С. И. Р. Л.“ — „скоты и разбойники лизоблюды“, „П. П. П.“ — „пахнетъ порядочной поркой“, „С. 17. О.“ — „сотвори 17 обмановъ“, „К. Д.“ — „куцые дворяне?“, — „С. С.“ и т. д. Партій очень много. Партіи „С. И. Р. Л.“ я предложилъ боксерскій уставъ, который она приняла съ благодарностью.

Пріѣхавъ въ Москву я хотѣлъ обстричь свою косу, но всѣ парикмахерскія оказались запертыми. Хотѣлъ пообѣдать—заперты рестораны! На Тверской я встрѣтилъ старинаго пріятеля, много лѣтъ уже проживающаго въ Россіи, командовавшаго когда-то въ Печилійской провинціи отборной хунхузской шайкой Дубъ-А-Са. Онъ разсказалъ мнѣ, что, потопивъ въ Желтомъ морѣ нѣсколько джонокъ и пріобрѣтя такимъ образомъ нужный флотскій опытъ, переселился въ Московію и такъ быстро пошелъ въ гору, что началъ топить не только джонки, но и цѣлые броненосцы. А если самому не удавалось топить, то училъ этому другихъ —„Скажи, великій вонъ-потопитель, почему Москва имѣетъ такой видъ, какъ будто побывалъ въ ней пресвѣтлой памяти Тамерланъ? спросилъ я Дубъ—А—Са.—„Ахъ, глупый хунхузъ, —отвѣчалъ онъ: —„сразу видно что ты не привыкъ еще къ здѣшнимъ порядкамъ! Такое состояніе города называется забастовкой.“ — „И часто бываютъ забастовки? — „Такъ часто, что всѣ удивляются, когда ихъ нѣтъ.“ — „Но чѣмъ-же живутъ люди, которые бастуютъ?“ — „О нихъ заботится правительство. Ихъ сейчасъ-же сажаютъ въ тюрьмы, что и называется свободой личности.“

Я очень обрадовался, услышавъ такое объясненіе. „Ч. Х. Л. К. Х. С. К. Ф.“ („чего хотятъ люди, которые ходятъ съ красными флагами“), — такъ называется партія, основателемъ которой состоитъ ученый мандаринъ Дем-чи-нскій, основавшій также партію „Д. Н. П. В.“ („держи носъ по вѣтру“) — итакъ „Ч. Х. Л. К. Х. С. Ф.“ разсказывали мнѣ о свободѣ личности, нѣчто ужасное. Понимаешь-ли, премудрый Сало-Сгубъ-Дуй, что они подъ личной свободой подразумѣваютъ такой актъ, когда нельзя самовольно сажать людей въ клоповники!! Моя хунхузская натура не могла примириться съ такой свободой, но добрый Дубъ-А-Са успокоилъ меня. Я отъ его словъ почувствовалъ себя снова въ Хунхузіи!

По дорогѣ отъ Москвы до Петербурга вездѣ встрѣчалъ отряды войскъ. Мнѣ сказали, что первый министръ Россіи Дурной-Во началъ войну съ внутренними врагами. Никто мнѣ не могъ объяснить, что за птица внутренній врагъ. Помогъ жандармъ. Когда я спросилъ его, что такое „внутренній врагъ“, онъ ударилъ меня по той части головы, которую русскіе называютъ мордой, и закричалъ; „ты самъ внутренній врагъ, коли не знаешь! проходи, а то пристрѣлю!“

Въ Петербургѣ на вокзалѣ меня прежде всего обыскали. Напрасно я кричалъ, что везу рекомендательныя письма, что я благонамѣренный хунхузъ, пріѣхавшій опредѣлиться на службу! Подъ косой у меня искали складъ динамита. Раздѣли до нога и когда отъ страха у меня въ желудкѣ началось урчаніе, то рѣшили что я везу пулеметы. Изъ кармана курмы вытащили ножикъ для вырѣзыванія мозолей и назвали его холоднымъ оружіемъ. Потомъ связали, дали въ шею и сказали: „Ступай, чертовъ сынъ, агитаторъ! Въ участкѣ разберутъ, какой ты всамомдѣлишный хунхузъ!“

Черезъ четверть часа я былъ въ клоповникѣ. Несмотря на недоразумѣніе я былъ очень радъ, такъ какъ обращеніе со мной правительственныхъ чиновниковъ напоминало мнѣ служителей родного дзянь-дзюня. Я сразу почувствовалъ себя на родинѣ.

Твой нижайшій слуга и подражитель хунхузъ Кара-Н-Гозъ.

(Продолж. слѣдуетъ). Браунингъ.

Трилогія.

Дурново:

„Меня, графъ, очень удивляетъ,
„Что ты спокоенъ до сихъ поръ:
„Печать тебя во всю ругаетъ,
„Язвитъ, болтаетъ всякій вздоръ,
„А ты, газеты всѣ читаешь
„И ничего не возражаешь?
„Къ чему давать такой просторъ?
„Есть полицейскій вѣдь надзоръ!

Витте!

„О, милый другъ, унять не трудно
„Всѣхъ тѣхъ газетныхъ крикуновъ.
„Но мнѣ, повѣрь, ужъ стало нудно
„И на уступки я готовъ.
„Пускай меня печать ругаетъ:
„Ей внемлю я *„однимъ ушкомъ"*;
„Она меня лишь забавляетъ,
„Да и полезна намъ притомъ!
„Вѣдь сколько цѣнныхъ сообщеній
„Мы почерпнули изъ газетъ!
„Теперь все ясно, нѣтъ сомнѣній,
„Кто—хулиганъ, а кто кадетъ!
„А потому печати можно
„Поблажку маленькую дать!
„Тѣсню ее, но *осторожно*,
„Чтобы газетъ не закрывать!

Свобод. гражд.

„А я внесу одну поправку:
Когда общественный вопросъ
Серьёзно пресса разрѣшаетъ,
И Витте—графъ про то узнаетъ,
То, чтобы дѣло сорвалось
Онъ оба уха затыкаетъ.

Тетеревъ.

Индійская легенда о золотомъ голодѣ.

Многія тысячи вѣковъ тому назадъ Индія была самой богатой страной въ мірѣ. Великій Брама заповѣдалъ индусамъ принципы любви и гуманности и въ награду за исполненіе этихъ завѣтовъ наполнилъ золотомъ цѣлый горный хребетъ, расположенный на востокѣ страны. Индусы добывали изъ этихъ горъ ежегодно несмѣтныя богатства.

Золото, какъ Божій даръ, данный всей странѣ, считалось собственностью государства. Каждый индусъ, добывающій его, обязанъ былъ сдавать металлъ въ правительственные склады, и получалъ на руки только нѣкоторую часть стоимости въ уплату за свою работу . . .

Страна очень скоро разбогатѣла.

Монастыри браминовъ, въ которые стекались со всѣхъ сторонъ пожертвованія за неисчерпаемую благодать великаго Брамы, были похожи на роскошные дворцы восточныхъ царей. Въ погребахъ нѣкоторыхъ изъ монастырей хранились цѣлыя груды жемчуга и драгоцѣнныхъ камней, которые монахи измѣряли гарнцами, какъ зерно.

Казна государства была еще богаче монастырей.

Для удобнаго обращенія золота между индусами, изъ него чеканились деньги на громадномъ заводѣ, полномъ машинъ и инструментовъ.

Люди были богаты и счастливы . . .

И такъ продолжалось бы долго, но люди мало по малу забыли завѣты Брамы, и начали обманывать другъ друга, устраивать набѣги на сосѣднія племена.

Велика милость и терпѣніе Брамы! Не одну сотню лѣтъ ждалъ Брама ихъ раскаянія.

Наконецъ возмездіе наступило.

Послѣ безразсудной войны индусовъ съ однимъ изъ маленькихъ сосѣднихъ племенъ, которая была вызвана захватомъ со стороны Индіи части иноземной территоріи, войны, которая въ первый разъ за всю предыдущую исторію Индіи, окончилась позорнымъ пораженіемъ, Брама отвратилъ отъ индусовъ лицо свое и наслалъ на нихъ тяжелое наказаніе въ видѣ «золотого голода».

Запасы золота въ государственныхъ складахъ истощились за время войны. Нужно было какъ можно скорѣе пополнить ихъ усиленной добычей металла въ горахъ. Но индусы не хотѣли работать. Народъ почувствовалъ себя сильнѣе правительства, къ которому питалъ старую вражду за несправедливое отношеніе, произволъ и насилія, Вмѣсто того, чтобы въ тяжелую минуту помочь власти, народъ всталъ на борьбу съ ней. Было выпущено соотвѣтственное воззваніе. Послѣднее еще болѣе ослабило золотые запасы государственныхъ складовъ.

Предвидя начало «золотого голода», многіе индусы собирали всѣ свои запасы и уѣзжали изъ своей родины, развозя по всей землѣ благодать Брамы.

А правительство начало печатать на разноцвѣтныхъ кусочкахъ пергамента небольшіе билетики, на которыхъ было написано заявленіе для наивныхъ людей, что каждый билетикъ есть то же самое, что и кусочекъ золота, опредѣленнаго вѣса. Заводъ для производства денежныхъ знаковъ былъ наскоро передѣланъ въ типографію. Въ Индіи вздорожалъ пергаментъ, а чтобы факиры не тратили его на печатаніе своихъ научныхъ изслѣдованій, то печатные станки уничтожались и частныя типографіи закрывались по распоряженію правительства.

Народъ волновался.

За кусочки пергамента только слѣпые и глупые люди отдавали свои золотые запасы, а иностранцы совсѣмъ не давали за нихъ даже серебра.

Былъ въ Индіи въ тѣ времена старшій Оберъ-Браминъ по имени Гра-Фи-Тэ, который могъ бы попытаться выпросить что нибудь у иностранцевъ. Прежде онъ славился этой способностью. Но онъ былъ занятъ усмиреніемъ вышедшихъ изъ повиновенія индусовъ

Другой-же браминъ, всегда завидовавшій успѣхамъ старшаго, попытался самъ попросить въ займы золота у старыхъ друзей Индіи, но вернулся почти ни съ чѣмъ. Старые друзья Индіи, правда, пожалѣли Брамина, но металла дали только на обратный проѣздъ.

Народъ волновался.

Казенная типографія печатала разноцвѣтные билетики.

Золото-же . . . лежало въ землѣ . . .

— — — — — — — — — —

—нъ.

Осуществленіе свободы печати съ полицейской точки зрѣнія.

Кузьма выбираетъ...

(Къ выборамъ въ Государственную Думу).

Грамотей Кузьма извѣстный,
Дара рѣчи не лишенъ,
Заведетъ, — народъ гуторитъ:
„Дѣло, правильно, законъ“ . . .

— Ой, смотри Кузьма, урядникъ
Что-то буркалы коситъ!
А Кузьмѣ и дѣла мало,
— „А начхать мнѣ“ — говоритъ!

До поры сходило гладко,
Но намедни не того . . .
Обожгла мундиръ „папаши“
Рѣчь о выборахъ его.

Искрой вспыхнула кокарда,
Жаромъ обдало Кузьму . . .
Въ эту ночь впервые, грѣшный,
Ночевалъ не на дому . . .

Голодъ . . . холодъ . . . Волостное . . .
На полу букеты лозъ,
Пукъ черемухи душистой
И мечтательныхъ березъ.

Очи вскинуло начальство,
Отверзая адъ и рай,
И на лозы указуя
Прогремѣло: „выбирай“!

. . . . . .

Съ той поры Кузьма ни шагу
Изъ хибарки. — Заверни!
О японцѣ потолкуетъ,
А о выборахъ ни-ни.

Куликовъ.

Въ редакціи „Русскаго Государства“.

Бутербродная комедія изъ одного блюда.

Дѣйствующія лица:

Будерброды (стоятъ 9000 р.)
Выѣздъ редактора (стоитъ 3,600 р.)
Опроверженія (стоятъ 600 тысячъ руб.)

Какъ ради нихъ, и вопреки правдѣ создана эта бутербродная газета.

Министры.

Лица безъ ролей:
сотрудники, два читателя
(другихъ пока нѣтъ) и редакторъ.

Кабинетъ редактора. На столѣ 17 бутербродовъ, которые разговариваютъ между собой.

Бутербродъ съ сыромъ (хихикая). Знаете милочки, а вѣдь со мной былъ курьезъ. Слышалъ я, какъ нашъ секретарь, который „грибъ ѣстъ“ говорилъ другимъ: нужно взять бутерброды, жена велѣла домой принести, и сунулъ это онъ меня, да уже въ карманѣ полно было, вотъ и упалъ я на полъ. Потомъ сторожъ Михей подобралъ мена и почистилъ, да вотъ...

(но тутъ голосъ прерывается и заглушается сто однимъ опроверженіемъ, которыя должны быть завтра напечатаны.

Опроверженіе первое (умоляюще). Голубчики стыдно, пощадите. Я краснѣю. Вѣдь я не ѣмъ бутерброды, такъ зачѣмъ же вы меня тираните, зачѣмъ заставляете кривить душой. Пожалуйста пощадите.

(Слышенъ шумъ).

Всѣ 101 опроверженія въ одинъ голосъ, во имя правды, умоляютъ не помѣщать ихъ).

(Шумъ усиливается. Редакторъ заводитъ граммофонъ, который шипя и гнусавя произноситъ: я знаю. какъ спасти Россію. Гг. опроверженія по мѣстамъ).

Всѣ успокаиваются.

Сторожъ Михей. Выѣздъ поданъ. (Читатели ищутъ свободныхъ крюковъ, чтобы повѣситься, но всѣ пять заняты. На нихъ висятъ пять русскихъ свободъ).

Между тѣмъ редакторъ уѣзжаетъ и изъ-за кулисъ слышится голосъ; „Держи правѣе“, „объѣзжай правду“.

Сотрудники молча уплетаютъ оставшіеся, ассигнованные на сегодняшній день 472 бутерброда.

Министры (хоромъ). Вотъ гдѣ правда.

(Занавѣсъ).

Анонсъ.

Второе дѣйствіе (но уже не блюдо).

27 Апрѣля.

Между литераторами:

— Какъ это все въ жизни повторяется?

— А именно?

— Да вотъ, двадцать пять лѣтъ тому назадъ уничтожено крѣпостничество, а теперь оно снова возродилось.

— ?!

— Вѣдь всѣхъ приговариваютъ къ заключенію въ крѣпости...

Въ „Berliner Tageblatt“ передается бесѣда графа Витте съ одной высокопоставленной дамой.

— Еслибы Дурново захотѣлъ, онъ могъ бы меня повѣсить, заявилъ графъ Витте.

Но г. Дурново пока графа Витте не вѣшаетъ, а вѣшается ему на шею.

Отсюда мораль: оба лучше, какъ говорятъ дѣти.

Въ кабинетѣ редактора.

— Вы принесли опроверженіе?

— Да, на основаніи...

— Нѣтъ, ужъ пожалуйста, обратитесь за этимъ въ „Русское Государство“, тамъ заявлена привиллегія на этотъ сортъ журнальныхъ затѣекъ.

Борцу со свобо

Вотъ проектъ; онъ „з
Мудрый, — мудрому в
Привожу безъ опечат
Изъ наказа „зануздай
— „Въ трепетъ кара
„Передъ словомъ не пасуй,
„Если можешь — опровергни,
„А не можешь, — арестуй!

Куликъ.

1904
Р. 1016

Издатель: Л. М. Зузеровичъ-Клебанскій.

Редакторъ: Д. І. Числіевъ.

Типографія Х. И. Бреденфельдъ и Ко., Забалканскій пр. № 22.